

УДК 811.161.1'373:398.91

Оправдание в аспекте отражения ценностных ориентаций (на материале русских паремий)

Е.В. Ничипорчик

Автор определяет характер связи речевых актов оправдания с ценностными ориентациями коммуникантов, выявляет факторы, детерминирующие оценочное отношение участников общения к оправдательным речевым актам. Впервые решение такой задачи осуществляется на материале паремий, в прагматический потенциал которых входит функция оправдания.

Ключевые слова: речевой акт, речевая ситуация, оправдание, паремия, ценностные ориентации, повод, аргумент, фактор, отношение.

The author defines the character of the connection between speech acts of justification and the value orientations of communicants, ascertains factors of determining evaluative attitude of communication participants to speech acts of justification. For the first time solution of this problem is carried out on the material of proverbs used in speech for the purpose of justification.

Keywords: speech act, speech situation, justification, proverb, value orientations, reason, argument, factor, connection.

Оправдание является одним из типов речевых актов, который характеризуется «сложностью интенционального содержания» [1, с. 3]. В комплексе вариантных реализаций оправдание не соотносится ни с одним из выделенных типов речевых актов ни в классификации Дж. Остина (вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы, экспозитивы) [2], ни в классификации Дж. Серля (репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы) [3]. Мнения тех исследователей, которые все же подводят оправдание под определенный тип речевых актов, не совпадают: Д. Вундерлих квалифицирует оправдание (наряду с извинениями, благодарностями, обоснованиями и др.) как сатисфактив, К. Бах считает, что оправдания следует отнести к вердиктивам [4].

А.А. Кузнецова, исследуя вербальные формы проявления эмпатии, считает оправдание, вслед за Л.А. Азнабаевой, речевым актом класса психологической поддержки коммуникатора, одним из иллокутивных типов сопереживания [5]. Цель оправдания, по мнению А.А. Кузнецовой, заключается в смягчении чувства вины за совершенный поступок и восстановлении нарушенного эмоционального баланса; отсюда вполне закономерным представляется вывод данного исследователя о целесообразности отнесения оправдания к экспрессивам (выделенным Дж. Серлем).

Однако наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживает трактовка оправдания Е.В. Лаврентьевой. По мнению Е.В. Лаврентьевой, оправдание занимает промежуточную зону между эмотивно-оценочными и информативными жанрами и являет собой полиинтенциональный жанр, коммуникативное назначение которого содержит сложный иерархический комплекс интенций [1, с. 3]. Комплексный характер оправдательных речевых актов объясняется двучастностью структуры оправдательного высказывания (выделяется оправдательный тезис и аргументативная часть) [1, с. 17]. Оправданию в бытовой коммуникации Е.В. Лаврентьева отводит роль нейтрализации конфликтогенных свойств обвинения и на этом основании приписывает данному речевому жанру регулятивную функцию [1, с. 6].

Исследователь прагматических функций паремий Г.Д. Сидоркова так же, как и А.А. Кузнецова, усматривает в оправданиях положительную интенциональную направленность [6, с. 22]. Не определяя места оправданий (в отличие от других прагматических функций паремий) в общей типологии речевых актов Дж. Серля, Г.Д. Сидоркова объединяет оправдание и самооправдание в один метафункциональный класс с успокоиванием и обоснованием, подчеркивая при этом, что паремии, реализующие интенциональное значение оправдания / самооправдания в одних речевых ситуациях, в других ситуациях могут быть использованы с целью совета, утешения, предостережения, а также парирования и урезывания [6, с. 19–21].

Это означает, что паремиологические единицы, в прагматический потенциал которых входит функция оправдания, в зависимости от условий коммуникации могут реализовать как положительные по своей направленности интенции, так отрицательные.

Заметим, что психологи отрицательно относятся к самооправдательным речевым актам, считая их своеобразной «капитуляцией», актом снижения имиджа говорящего и т.п.: «Главное, что нужно знать об оправданиях, – это ошибочное поведение. Уважающие себя люди – не оправдываются. Люди, уважающие окружающих, также не занимают их время своими оправданиями... Уберите оправдания. Исключите оправдания – полностью. Совсем и все» [7].

Такая позиция достаточно распространена в обществе, объяснимы в связи с этим встречающиеся в социальных сетях заявления типа *Оправдания – это ложь, которую люди говорят сами себе*, ставящие под сомнение рациональность обращения к самооправданию формулировки вопросов, предлагаемых для обсуждения, – *Оправдание – это признание своей вины?* [8]. Примечательно, что ответы участников форума на данный вопрос различны: от категорического *Нет!!!; Совсем нет, просто хочет внести ясность; НЕТ – это желание внести ясность, а то напридумывают чего не того...* до категорического *100% да, если ты права, а тебя в чем-то обвиняют, лучше промолчать, все равно ничево не докажешь без фактов на словах* [8]. Есть и такие люди, которые подходят к оценке самооправдательных речевых актов диалектически: *Смотря за что оправдываешься и в какой ситуации; Не знаю, как у кого, но иногда я просто хочу, чтобы меня ПОНЯЛИ!* [8], другие же при признании необходимости оправдания, все же отмечают «фатальность» развития ситуаций, связанных с самооправдательными речевыми актами: *Что же тогда делать, когда без вины тебя считают виноватой, приходится отстаивать свою правоту. Хотя для того, кто обвиняет, все равно, оправдываешься ты или нет: там конкретный приговор «Виновен», проверено на своем опыте* [8].

Что касается оправданий, смысл которых заключается в мотивировке прощения неблаговидных поступков сторонним лицам, то и к таким оправданиям отношение в обществе неоднозначное, хотя христианской религией подобные акты трактуются как акты спасения души, акты провозглашения человека праведным: «Именно факт оправдания позволяет Богу начать в нас процесс освящения – процесс, посредством которого Бог делает нас в действительности такими, какими мы являемся условно» [9].

Какова причина разногласий между членами социума в оценке оправдательных речевых актов?

На наш взгляд, оправдание не может быть охарактеризовано вне учета его связи с ценностными ориентациями личностей и установленными в обществе морально-этическими нормами. Обращение к паремиологической картине мира, в которой реальная действительность отражена специфическим образом, а именно через призму обыденного сознания, позволит нам выяснить некоторые закономерности межличностной коммуникации, обусловленные характером связи мотивов обращения к актам оправдания, а также оценочного отношения членов социума к этим актам с ценностно-нормативными системами общества и личностными ценностными ориентациями.

Нами установлено, что отношение к оправданию в целом, в том числе к речевым актам, в которых используются паремии с иллюзивной целью оправдания, зависит от нескольких факторов. Обнаруживается обусловленность данного отношения, с одной стороны, обстоятельствами, находящими отражение в содержании оправдательного высказывания, с другой стороны – структурой речевой ситуации, элементами которой являются ценностные позиции коммуникантов, социальные роли, отношения и намерения вступающих в контакт.

В определении характера оценочной «реакции» на оправдание значимым прежде всего является 1) в чем оправдываются; 2) каков оправдательный аргумент; 3) кто / кого оправдывает.

Положение на аксиологической шкале того, что служит «поводом» для оправдания, должно быть, по логике вещей, самым важным фактором, детерминирующим отношение к речевому акту оправдания. Что же показывает в этом отношении паремиологический материал?

Отраженные в паремиях поводы для оправдания достаточно разнообразны, провести их завершённую классификацию на материале, ограниченном рамками двух небольших по объёму толковых паремиологических словарей [9], [10], не представляется возможным. Перечислим только некоторые из поводов, оставляя список открытым:

- 1) предосудительное поведение, проступок, грех: *Кто богу не грешен, царю не виноват; С волками жить – по-волчьи выть; На грех мастера нет;*
- 2) недочет в каком-либо деле, ошибка, просчет, промах, провинность, оплошность: *И на старуху бывает проруха; И на солнце бывают пятна; Все мы люди, все мы человеки;*
- 3) безрассудство, риск: *Кто не рискует, тот не пьет шампанского; Риск – благородное дело;*
- 4) бездействие, пассивность, смирение: *Выше головы не прыгнешь; Чему быть, того не миновать; Один в поле не воин;*
- 5) неразборчивость в выборе, непритязательность: *На безрыбье и рак рыба; Курочка по зернышку клюет, да сыта живет;*
- 6) бедность, отсутствие достатка: *Бедность не порок;*
- 7) излишняя предосторожность, чрезмерная осмотрительность: *Береженого и бог бережет;*
- 8) промедление в каком-либо деле, несвоевременность: *И Москва не сразу строилась; Тише едешь – дальше будешь; Лучшие поздно, чем никогда;*
- 9) неблагоприятный способ достижения цели: *Победителей не судят;*
- 10) излишняя бережливость, дотошность при подсчете денежных средств, скупость: *Деньги счет любят;*
- 11) взяточничество, сделка с совестью, обман: *Не подмажешь – не поедешь;*
- 12) проявление эгоизма: *Своя рубаха ближе к телу;*
- 13) отказ в помощи близким, друзьям; измена каким-либо привязанностям: *Дружба дружбой, а служба службой; Рыба ищет, где глубже, человек – где лучше.*

Как видим, одни пословицы применимы к ситуациям конкретного типа, обусловленным проявлением определенной провинности (обман, промедление, неразборчивость в выборе), другие характеризуются большей степенью обобщенности (грех, пассивность) и степень вредоносности акта, провоцирующего необходимость оправдания, вне конкретных условий употребления паремии определить практически невозможно, равно как нельзя порой установить, является ли ненормативный поступок, повлекший оправдание, социальным злом или же его вредоносность затрагивает только сферу интересов и потребностей того, кто совершил этот поступок.

Не представляет социального зла медлительность, непритязательность, опрометчивость, чрезмерная беспечность или, напротив, чрезмерная осмотрительность. Речевым стимулом оправдания в таких случаях может быть выражение беспокойства, упрек, обвинение со стороны третьих лиц, а ожидаемым перлокутивным эффектом оправдательного речевого акта – понимание, снисхождение: *Егорка же на эти слова обиделся: – <...> Ты вот идешь и печали тебе особой нету. Об себе только. А я иду – об Терентии еще думаю. Я за тебя в ответе! – Ты скажи, у каж дого сучка своя печаль! – удивился Степан и засмеялся даже (Залыгин. На Иртыше) [9, с. 284].* Возможны и другие перлокутивные эффекты – непонимание, осуждение и т.п. Характер реагирования на оправдательный речевой акт, отношение к оправдывающемуся обуславливается степенью терпимости обвиняющего к чьим-либо недостаткам, а также массой других факторов, к числу которых относятся единичность/ множественность случаев проявления соответствующих недостатков, аксиологический «вес» последствий проявления этих недостатков и др.: *– Удивительно добрый секретарь у нас, прямо на редкость! – Нестеренко с ходу остановился, повернулся лицом к Давыдову и сказал: – Потому и добрый, что смолоду сам не всегда по прямой дорожке ходил. Понятно тебе, матросик, откуда у меня доброта зародилась? Но я не ко всем, без разбора добрый... – Говорят, что конь о четырех ногах, а спотыкается, – осторож но вставил Давыдов. – Если хороший конь споткнется раз-другой, ему мож но простить, но есть такие кони, которые спотыкаются на каж дом шагу... Для чего же такого одра и на конюшне держ ать? (Шоло-*

хов. Поднятая целина) [11, с. 146]. Неторопливость, чрезмерная осмотрительность могут выступать в связи с этим даже поводом квазиоправдания: используя паремию с оправдательной модальной рамкой, говорящий косвенно намекает на то, что заслуживает похвалы со стороны третьих лиц, или выражает удовлетворение положением дел, обусловленным избранной линией поведения. [Степанида:] *Что ты, старина, замешкался?* [Агафон:] *Я все с лошадкой: отпряг, поставил на место, сенца дал. Животинку ж алеть надо... Ну вот, старуха, бог дал и приехали, а ты все торопилась. Зачем торопиться-то? Тише едешь, дальше будешь* (Островский. Не так живи, как хочется) [11, с. 325]; *Однако армия научила Василия Ивановича быть всегда «на стреме». <...> Еж ели какая холера наярнет, то пусть воочию убедится, что старший лейтенант повышает свой идейно-теоретический уровень, работает над собой. Береж еного Бог береж ем* (Гладилин. Репетиция в пятницу) [10, с. 31].

Если дело касается нарушения моральных принципов и поступок квалифицируется как социально вредоносный, то, по справедливому замечанию Г.Д. Сидорковой, критическая оценка совершенного поступка тяготеет к обличительности [6, с. 21], а ожидаемой реакцией на оправдание может быть не снисхождение, а прощение либо непростительный проступок. Объясняется это тем, что снисхождение подразумевает признание допустимости неблаговидного поступка, а это одновременно и признание относительности социальных норм; при прощении же, как акте отказа от дальнейших обвинений, «вычеркивании» из памяти чьей-либо вины и т.п., человек остается верен «своей правоте». Отношение к оправданиям поступков, квалифицируемых как социальное зло либо порождающих социальное зло, детерминировано не только и не столько степенью толерантности обвиняющего лица, сколько общей системой его ценностных ориентиров. Сравните: *Хапайте не больше тысячи в год. Конечно, без хапанья нельзя обойтись, но, милый мой, мера, мера! Ваш предшественник увлекся и на одной шерсти сделал пять тысяч. Конечно, по-своему, он прав. <...> Человек ищет, где лучше, и своя рубашка ближе к телу, но, согласитесь, для меня это тяж еленько* (Чехов. Стена) [11, с. 292] – оправдывающий демонстрирует позицию, расходящуюся с общественными интересами, поэтому с точки зрения оправдывающего обман как проявление эгоистических устремлений может быть оправдан. *Больше всех любить свой полк – да! Но не дай бог показать при этом недостаточную любовь к другим. К тем же танкистам! Да еще попробовать оправдаться тем, что своя рубашка ближе к телу, – Баталов убьет за это* (Симонов. Товарищи по оружию) [11, с. 292] – ценностные ориентации персонажа (Баталова), отражающие приоритет долга над всем личным, не позволяют ему оправдать даже столь малое и безобидное проявление предпочтения личного.

Своеобразной в аксиологическом плане является позиция, с которой осуществляется оправдание нарушения верности дружбе, отказ в удовлетворении чьих-либо притязаний, мотивированных дружескими или родственными связями: *Друж ба друж бой, а служ ба служ бой*. По сути, человек оправдывается в том, что предпочел следовать социальному, а не личному долгу, так как у того, кто выражает / потенциально способен выразить упрек, кому отказано в удовлетворении личных притязаний / чьи интересы ущемлены, иерархия ценностей может быть иной (личное выше общественного) и с позиций такого человека предпочтение общественного личному может вызывать / вызывает неодобрение: *Меня просто не устраивает то, чем ж ивет и чем занимается сегодня российская эстрада, – на 95 процентов не устраивает. Поэтому не хочу иметь ничего общего ни с этим 95-процентным искусством, ни с 95-процентными артистами, которые его исповедуют. Ненавижу всю эту эстрадную тусовку, артистов, которые строят из себя мальчиков и девочек до седых волос. Я не хочу обидеть своих коллег, но друж ба друж бой, а служ ба служ бой. Нормальные артисты не обидятся* (Розенбаум. Бульварьер) [12]. С другой стороны, данная паремия может использоваться и как своеобразная ширма для оправдания откровенного предательства: *Письмо ваше, как заключающее в себе некоторую критику законов, переслано мною в ж андармское управление. Друж ба – друж бой, а служ ба – служ бой* (Дорошевич. Дело о людоедстве) [12].

Таким образом, аксиологический «вес» действия (или бездействия), являющегося поводом для оправдания, представляется релевантным, но далеко не единственным фактором, детерминирующим отношение к оправдательному речевому акту вообще.

В качестве оправдательных аргументов, объясняющих причины совершения действия, вызывающего неодобрение, в провербиальных единицах выступают ссылки на следующие обстоятельства:

1) несовершенство человеческой природы (смягчающим обстоятельством в данном случае, по выражению Е.В. Лаврентьевой, выступает распространенность ошибок) [1, с. 20]: *Все мы люди, все мы человеки; Конь о четырех ногах, и тот спотыкается; Грех да беда на кого не ж ивет;*

2) непреодолимость силы обстоятельств, предопределенность судьбы, «божий промысел»: *Сила солому ломит; Выше головы не прыгнешь; Против ветра не надуешься; С волками ж ить – по-волчьи выть; Чему быть, того не миновать;*

3) незнание: *Дитя не плачет, мать не разумеет;*

4) непреодолимость силы чувств, невозможность отказать себе в удовлетворении желаний: *Любовь зла, полюбишь и козла; Бес попутал;*

5) приоритет своего: *Своя рубашка ближе к телу; У каж дого сучка своя печаль;*

6) поиск лучшей доли, борьба за «место под солнцем»: *Рыба ищет, где глубж е, человек – где лучше; Хорошо там, где нас нет;*

7) рациональность поступка в каком-либо из отношений (выгода, польза, победа, спасение и т.п.): *Кто не рискует, тот не пьет шампанское; На то и щука в море, чтоб карась не дремал; Победителей не судят; Тихе едешь – дальше будешь; Береж еного и бог береж ет;*

8) следование долгу, верность обязательствам: *Друж ба друж бой, а служ ба служ бой.*

Из данного перечня видно, что причины, со ссылкой на которые оправдывающийся / оправдываемый рассчитывает на понимание, снисхождение или прощение, можно дифференцировать на две группы (причем без четкой между ними границы). С одной стороны, это непреодолимые обстоятельства, в силу которых человек совершает предосудительный поступок вопреки своим желаниям и жизненным приоритетам. В этом случае можно рассчитывать на положительный итог как автореферентных, так интерактивных оправданий: [Артур:] *Ладно, майор, ты тож е меня там особо за гниду-то не держ и.* [Майор:] *Да не держ у я, не держ у. Обидки-то не надо ж арить. Сам понимаешь: с волками ж ить...* (Пежемский, Мурзенко. Мама, не горюй!) [12]; *Общеж итий в МТС нет. Ютятся, где полагало... И разобраться – директор не виноват. Опять ж е – не дают ему денег на строительство. Выше головы не прыгнешь* (Овечкин. В одном колхозе) [10, с. 80].

С другой стороны, это мотивированность действия; заметим, что мотивы могут отражать как позитивную ценностную ориентацию – человек совершает тот или иной поступок / выявляет предпочтение тому или иному образу жизни и др., руководствуясь тем, что сделанный им выбор рационален / компенсируется чем-то положительным; так и негативную ценностную ориентацию – человек совершает предосудительные поступки, осознавая их предосудительность и будучи убежденным в своей правоте. Различным в связи с этим будет и оценочное отношение к соответствующим действиям и связанным с ними оправдательным речевым актам: *Что это за ж изнь? Только и думаешь, как бы это дотянуть до полочки. И так до конца дней? Ну нет. Рыба ищет, где глубж е, человек – где лучше* (Сизов. Код «Шевро») [11, с. 277]; *Матушка, продолж ал Гаврило Степанович, – успокойся; сын твой, признаюшь тебе по правде, совсем не глупо это придумал, отчего ж е ему не проездиться? С богом, и мое ему благословение на путь-дорож ку. Рыба ищет, где глубж е, человек – где лучше; пусть поглядит на свет и себя покаж ет* (Даль. Отец с сыном) [11, с. 277]; *Думаю, что в 1991 году наступит перелом. Но, надеясь на это, я всегда вспоминаю о «сильной руке», каравшей, увы, не только одних послевоенных бандитов. Не дай Бог нам вновь везсти в действие старый метод НКВД, который формулировался просто: «Лес рубят, щепки летят»* (Литературная газета. 13.02.91) [10, с. 166].

Буферную зону между двумя вышеназванными факторами представляют ситуации, в которых человек совершает ошибку, промах и т.п. ненамеренно, случайно, неосознанно либо по незнанию, а также ситуации, в которых человек совершает предосудительное действие

по воле чувств вопреки голосу своего разума. Речевые акты оправдания в условиях реализации такого рода ситуаций при совпадении ценностных ориентаций участников интерактивного общения представляют, как правило, сферу эмпатийной коммуникации: – *Вы молодец, одобрил Крепс, – с вами мож но бродяж ничать. – Хорош молодец! Карбас чуть не уробила! – И на старуху бывает проруха. Вода в карбасе прибывала. Лодка двигалась тяж его. – Довольно устарелый вид романтики: сидеть и ж дать, – пошутила я* (Гаген-Торн. Memoria) [12]; *Мать-та эта еще не знаешь, как и встретит.. – Ну, ну, – ж иво замахала руками Пелагея, – чего старое вспоминать. На солнце и на то затемнение находит, а наш брат – баба глупая...* (Абрамов. Пелагея) [10, с. 270].

Еще одним фактором, влияющим на наше отношение к оправдательным речевым актам и обнаруживающим тесную связь с их аргументативной составляющей, является то, оправдывает человек самого себя или кого-то другого. Достойный человек, совершивший ошибку, по отношению к себе вряд ли скажет *И на солнце есть пятна*, это было бы нарушением максимы скромности, тем не менее может прибегнуть к другому выражению *И на старуху бывает проруха*, и то не столько с целью оправдания, сколько с целью поиска сочувствия либо самоутешения. Не вызовет сочувствия и снисхождения тот, кто пытается оправдать свой неблагоприятный поступок, объясняя это личной выгодной, если получение личной выгоды сопряжено с обманом, насилием и т.п. Если неблагоприятные средства достижения личных целей не приносят вреда другим людям, а сопряжены с риском, могут принести вред только тому, кто таким способом стремится достичь своей цели, то обусловленные подобными акциями самооправдание не спровоцирует проявление раздражения со стороны других людей. Ссылки в речевых актах самооправдания на божий промысел, непреодолимость обстоятельств, смирение, распространенность ошибок вызовут, скорее, жалость к оправдывающемуся и не прибавят ничего позитивного к имиджу данного человека.

Оправдание поступков другого лица – это и есть тот шаг, который в определении А.А. Кузнецовой квалифицируется как акт коммуникативной поддержки [5]. Заметим, однако, что паремии оправдательного содержания при адресации к тому, кто совершил предосудительный поступок, используются с целью утешения, при адресации к третьим лицам – служат целям мотивировки прощающего или снисходительного отношения к оправдываемому. Отношение к интерактивным речевым актам оправдания, равно как и перлокутивный эффект от использования такого рода актов в речи будет зависеть от согласованности / несогласованности ценностных ориентаций оправдывающего с ценностными ориентациями партнера по общению, с ценностно-нормативными системами социокультурной среды в целом, в том числе принятыми в обществе нормами морали, а также от массы других, собственно ситуативных факторов. Сравните: – *Да ты рехнулся, что ли, Бузыкин... Пьяницу Юлина в судьи?! – Я попытался оправдаться пословицей: «Пьян да умен, два угодыя в нем». Но ничего не вышло. Кандидатура Юлина была отвергнута немедленно и безоговорочно* (Курочкин. Записки судьи Семена Бузыкина) [10, с. 298]; – *Исключительно личный характер! – с оттенком уваж ительности замечает секретарь горкома. – Но приходится, знаете ли, поддерж ивать с ним мирное сосуществование. Николай Павлович нуж ный городу человек: строит ж илье, детские сады, вон отерохал хозяйственным способом Дворец культуры. Как говорится, пьян, да умен – два угодыя в нем! – Позицию партийного комитета Артамонов улавливает очень даж е превосходно* (Правда. 12.11.83) [10, с. 298].

Таким образом, наши наблюдения позволили прийти к следующим выводам.

1. Использование провербиальных единиц в речи с целью оправдания обнаруживает непосредственную, но не жесткую связь с ценностными ориентациями говорящего. Причастность личности к культуре социума проявляется при этом двояко: через признание существования ценностно-нормативных систем общества и через культуру логоса (паремии представляют собой культурно маркированные языковые единицы).

2. Сам факт обращения к оправданию свидетельствует о безразличном отношении говорящего к мнению сторонних лиц. Говорящий оценивает свой / чужой поступок исходя из принятых в обществе ценностно-нормативных систем и личных ценностных предпочтений, ощущает в связи ожиданием упреков и обвинений со стороны других лиц (или уже прозвучавшими упреками и обвинениями) состояние эмоционального дискомфорта, мотивирующего,

наряду с другими факторами, обращение к оправдательному речевому акту. Ценностные ориентации, отраженные в содержании поговорки, используемой в речевом акте оправдания, определяют мотивы обращения и характер отношения к речевому акту оправдания лишь отчасти.

3. Каждая из составляющих структуры речевой ситуации оправдания является релевантной и для мотивации обращения к оправданию, и для определения оценочного отношения к нему. Одна и та же поговорка, используемая в различных речевых ситуациях оправдания, может вызвать различный аксиологический резонанс, различные перлокутивные эффекты. Исход речевого акта оправдания находится в зависимости от характера совершенного предосудительного действия, выбора способа оправдания, эксплицированного в содержании оправдательного высказывания, автореферентности / интерактивности ситуации оправдания, отношений между коммуникантами, согласованности / рассогласованности ценностных ориентаций участников общения и других факторов, выявляющих отношение коммуникантов к ценностно-нормативным системам общества.

Литература

1. Лаврентьева, Е.В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Лаврентьева; Новосибирский гос. пед ун-т. – Новосибирск, 2006. – 23 с.
2. Остин, Дж.Л. Слово как действие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/i1.htm>. – Дата доступа: 3.01.2014.
3. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/i1.htm>. – Дата доступа: 3.01.2014.
4. Сусов, И.П. Лингвистическая прагматика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/Pragmh.html>. – Дата доступа: 15.09.2013.
5. Кузнецова, А.А. Иллокутивные типы вербальной эмпатии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/illokutivnye-tipy-verbalnoi-empatii>. – Дата доступа: 4.01.2014.
6. Сидоркова, Г.Д. Прагматика поговорок: пословицы и поговорки как речевые действия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г.Д. Сидоркова; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2003. – 42 с.
7. Оправдания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psychologos.ru/articles/view/opravdaniya>. – Дата доступа: 5.01.2014.
8. Оправдание – это признание своей вины? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otvet.mail.ru/question/15460015>. – Дата доступа: 5.01.2014.
9. Что такое оправдание? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gotquestions.org/Russian/Russian-justification.html>. – Дата доступа: 5.01.2014.
10. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц / В.М. Мокиенко, Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов и др.; под ред. В.М. Мокиенко. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 381 с.
11. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>. – Дата доступа: 6.01.2014.